

И
Е. ЯКУШКИН

КОЛЧАКОВЩИНА
И ИНТЕРВЕНЦИЯ
В СИБИРИ

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1. ЦЕЛИ АНТАНТОВСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИБИРИ.

Империалистические державы Антанты, начавшие в 1918 году интервенцию против нас, имели одну общую основную цель—уничтожение советской власти в России, замену ее прежним владычеством русских и иностранных капиталистов. Империалисты возненавидели нашу советскую власть по двум причинам. Во-первых, они боялись, что примеру рабочих и крестьян России последуют трудящиеся буржуазных стран и угнетенные массы народов Востока. Поэтому самый факт существования первого в мире государства, где власть принадлежит трудящимся, был и остается постоянной угрозой для капиталистов всего мира. Во-вторых, империалисты ждали от интервенции различных материальных благ: они рассчитывали содрать с трудящихся России долги царского правительства, которые советская власть отказалась платить, они стремились вернуть себе национализированные фабрики и заводы, они, наконец, надеялись в огне гражданской войны и интервенции захватить и

поделить между собой огромные природные богатства нашей страны—кавказскую и сахалинскую нефть, донецкий и сибирский уголь, северный и сибирский лес, туркестанский хлопок и т. д., и т. д.

Империалисты Антанты не только посылали на нас свои войска. Они стремились объединить и использовать силы всех русских контрреволюционеров, помочь этим контрреволюционерам укрепиться в различных областях нашей страны, для того чтобы вести вооруженную борьбу против советской власти. Среди таких очагов русской и иностранной контрреволюции Сибирь занимала одно из первых мест. Когда, после Октябрьской революции в России, державы Антанты решали вопрос о нападении на советское государство, перед ними было два пути для нападения—на севере через Мурманск и Архангельск и на востоке—в Сибири, через Владивосток. Два другие пути—через Черное и Балтийское моря—были в то время захвачены враждебными Антанте германскими империалистами, которые весной 1918 года заняли своими войсками весь юг и запад нашей страны.

В начале 1918 года Сибирь представлялась империалистам наиболее удобным путем для интервенции. Из держав Антанты Япония была больше других заинтересована в интервенции именно через Сибирь. Японская империалистическая буржуазия, которой уже давно стало тесно у себя дома,

лелеяла мечту о захвате огромных территорий и природных богатств нашего Дальнего Востока. Из других империалистических держав в интервенции на Дальнем Востоке были заинтересованы Североамериканские соединенные штаты. Буржуазия Соединенных штатов, соперничающая с Японией за влияние на побережья Тихого океана, не могла остаться равнодушной в то время, как японцы готовились занять своими войсками Восточную Сибирь. Это соперничество между Японией и Соединенными штатами предопределило посылку на Дальний Восток наряду с японскими и американскими войска. Две другие крупные державы Антанты, наиболее враждебно настроенные к Советской России—Англия и Франция,—рассматривали Сибирь как наиболее удобный путь для интервенции и как область, где они надеялись организовать значительные силы русской контрреволюции. Наконец, интервенты рассчитывали захватив Сибирь, лишить центральные районы Советской России сибирского хлеба. Эта ставка на голод, на удушение советского государства путем разрухи и блокады была одним из главных козырей иностранной и русской контрреволюции.

В силу многих причин открытая интервенция держав Антанты началась не сразу после Октябрьской революции 1917 года, а спустя несколько месяцев—в 1918 году. Но уже в первые недели после Октября империалисты Антанты, главным образом

Англии и Франции, поднимают в своих газетах кампанию клеветы против советской власти, агитируя за интервенцию и подготавливая к ней общественное мнение своих стран. Одновременно они начинают вести шпионскую работу и нащупывать наиболее удобные пути для нападения на Советскую Россию.

Между прочим, для выяснения возможностей антантовской интервенции в Сибири туда был направлен секретный агент французского генерального штаба майор Пишон, бывший в 1917 году членом французской военной миссии в Петрограде. После Октября 1917 года Пишон, хорошо говоривший порусски, поехал в Сибирь, пробыл там с фальшивым паспортом почти полгода и по возвращении представил своему правительству обширный секретный доклад о путях и способах осуществления антантовской интервенции в Сибири. Этот доклад впоследствии получил огласку и был опубликован в нашей советской печати. Он представляет для нас громадный интерес, так как наглядно отражает захватнические замыслы иностранных империалистов и намечает основные вехи, по которым, как по нотам, развернулась затем антантовская интервенция в Сибири. Поэтому остановимся немного подробнее на докладе майора Пишона. Кстати сказать, он был произведен в полковники за свое удачно выполненное поручение.

В начале своего доклада Пишон ставит вопрос о том, каким способом и под каким флагом удобнее всего «союзникам» заняться восстановлением в России власти капиталистов. «Можно было бы, пожалуй,—пишет он,—провести завоевательную военную кампанию, восстановить порядок и, установив сильный полицейский режим, дать власть тому лицу или той группе, которой мы пожелаем бы... Мы можем вступить в Сибирь под следующими лозунгами: с одной стороны, во имя восстановления порядка, а с другой—во имя защиты наших интересов, находящихся в одних случаях под угрозой нарушения, а в других уже грубо нарушенных большевиками. По вступлении мы сможем поставить то правительство, какое найдем нужным, без необходимости предварительно загромождать себя и стеснять свои действия присутствием манекена, которому мы же придадим ореол великого человека». «Всегда найдутся люди,—пишет он далее,—которые встретят победителя с цветами в руках, с флагами и приветственными речами. Такие люди будут благодарить и благословлять всякого, кто вернет им имущество и спасет их жизни, тем более, если будет восстановлена их власть. На этот счет беспокоиться нечего: таких сторонников мы найдем всюду».

Но дальше майор Пишон с горечью приходит к выводу, что этот, казалось бы, самый простой и приятный способ применять, пожалуй, неудобно,

так как-де «все державы Антанты действуют в настоящее время под лозунгом уважения к свободе и праву народов». «Мы до сих пор слишком много говорили о праве народов, о демократических принципах и т. д., чтобы теперь активно заниматься реакцией».

Кроме того Пишон с горечью же вынужден признать, что «революционные идеи глубоко проникли в толщу русского народа, особенно крестьянской массы... крестьяне слышать больше не хотят о жандармах, урядниках, лесничих, вообще о представителях прежней администрации... Эту психологию сибирского крестьянина нужно тонко учесть при выработке плана интервенции. Это—во-первых, а во-вторых, «нужно считать совершенно определенно, что городской рабочий против нас», заявляет дальше Пишон.

Поэтому он рекомендует применить более хитрый и осторожный способ нападения—путем провозглашения «демократических» лозунгов и привлечения на сторону интервентов значительных слоев средней и мелкой буржуазии, а также киргиз и казаков, как наиболее политически отсталых групп населения.

Переходя к оценке политических партий, существующих в Сибири, Пишон заявляет: «Я совершенно не допускаю возможности какого бы то ни было сотрудничества с большевиками, какого бы то ни было соглашения с ними теперь же или в

более или менее отдаленном будущем». Наоборот, «...партия эсеров представляется для нас чрезвычайно полезной, и нет сомнения, что договориться с ней будет можно».

Далее Пишон подчеркивает, что нельзя ограничиваться занятием иностранными войсками одного Дальнего Востока. «Интервенцию нужно провести таким образом, чтобы возможно скорее захватить всю Сибирскую железную дорогу и осуществить фактический контроль над производственными и производящими центрами». Наиболее активную роль в будущей интервенции Пишон отводит японским войскам, но подчеркивает, что «союзники», т. е. державы Антанты, должны выступать в Сибири совместно под какими-то общими лозунгами. В заключение он еще раз кратко останавливается на вопросе об этих лозунгах, считая, что гораздо выгоднее замалчивать империалистические цели интервенции. «Важно точно определить, во имя чего и кого мы выступим. Можно выступить от нашего собственного имени, во имя обеспечения наших интересов, скомпрометированных заключением сепаратного мира и аннулированием долговых обязательств. Можно также выступить во имя самих русских по просьбе антибольшевистских партий и группировок. В этом последнем случае, на котором, помоему, мы и должны остановиться, необходимо союзным правительствам точно выяснить

и определить, с какими именно партиями и группами мы свяжемся и в каком размере и какого характера обязательства мы перед ними на себя примем».

Наконец приведем заключительные строки доклада майора Пишона, которые не нуждаются ни в каких пояснениях: «На нашей стороне сила и деньги: это лучшие аргументы, при помощи которых можно всего достичь».

Знакомясь дальше с ходом интервенции в Сибири, мы увидим, что она в основном развертывалась по плану, намеченному Пишоном. Он сделал, правда, две небольшие ошибки. Во-первых, не принял во внимание расположенного в Сибири чехо- словацкого корпуса, который Антанте удалось вскоре использовать для борьбы против советской власти, во-вторых, Пишон переоценил значение партии эсеров. Эсеры хотя и пошли с радостью в услужение к иностранным захватчикам, но оказались не имеющими никакой реальной силы и должны были уступить власть атаманско-офицерской контрреволюции во главе с Колчаком.

Самая же главная ошибка талантливого французского шпиона заключалась в том, что он не учел той воли к победе, одушевлявшей рабочих и крестьян, которая в конечном счете оказалась сильнее иностранных штыков и иностранного золота.

II. СИБИРЬ В 1918 ГОДУ.

После Октябрьского переворота советская власть быстро распространилась почти по всей территории России. Благодаря громадным пространствам Сибири и малой организованности сибирских революционных сил потребовалось несколько недель, чтобы во всех сибирских городах власть из рук ставленников Временного правительства перешла к советам. Кое-где, например в Иркутске, этот переход даже сопровождался вооруженными столкновениями. В январе 1918 года состоялся (в Иркутске) Всесибирский съезд советов, выделивший Центральный исполнительный комитет Сибири в качестве постоянного органа советской власти. Весна 1918 года прошла в налаживании мирной советской работы на огромной территории Сибири. Но одновременно с работой советской власти шла в Сибири иная, скрытая, контрреволюционная работа. Мы знаем, что после победы Октября и установления советской власти в России контрреволюционеры разных мастей начали на окраинах организацию своих сил для вооруженного свержения советов. В этой работе вскоре приняла участие и иностранная буржуазия. Сибирь явилась одним из очагов собирания контрреволюционных сил. Сибирская буржуазия, сибирское кулачество в союзе с эсерами, офицеры сибирских гарнизонов организовывались в тайные союзы, тормо-

зили работу советской власти и вели подготовку к ее вооруженному свержению.

Вскоре, когда империалисты Антанты решились на открытую интервенцию, их первые удары обрушились также на Сибирь. Для борьбы против советской власти интервенты использовали прежде всего корпус чехо-словацких войск, находившийся в Поволжье и Сибири. Этот корпус был сформирован еще царским правительством из австрийских военнопленных славян и предназначался первоначально для участия в войне с немцами. После Октябрьской революции и перемирия на русско-германском фронте руководители чехо-словацкого корпуса изъявили желание переправить его во Францию для использования на Западном фронте. Советское правительство предоставило им эту возможность и направило эшелоны чехо-словаков по Сибирской железной дороге для следования во Владивосток, и оттуда морем—во Францию. В мае передовые эшелоны чехо-словаков уже достигли Владивостока, задние же находились в Поволжье. Общая численность чехо-словацкого корпуса в то время достигала 40 000 человек. Находившиеся в России представители Антанты, совместно с русскими контрреволюционными партиями, с весны 1918 года начали готовить выступление чехо-словаков против советской власти. Офицерство и генералитет чехо-словацкого корпуса после Октябрьской революции сумели в общем удержать

чехо-словацких солдат в своих руках. Действуя по указке Антанты, руководители чехо-словаков обещали им скорое возвращение на родину и одновременно пустили слух, что советское правительство собирается выдать чехо-словаков Германии. Представители Антанты в Советской России с своей стороны тайком снабжали чехо-словаков деньгами и употребляли все усилия, чтобы вызвать их открытое выступление против советов. В результате 25 мая 1918 года начался чехо-словацкий мятеж, дорого обошедший советским республикам. Втечение нескольких недель чехо-словаки с оружием в руках захватили всю Сибирскую железную дорогу и крупнейшие города Сибири. Органы советской власти были ими разогнаны, отряды только что возникавшей Красной армии частью рассеяны, частью истреблены. Одновременно во Владивосток начали прибывать отряды иностранных войск—японских, английских, американских, французских и даже итальянских.

В Сибири и Поволжья совместно с чехо-словаками выступали русские контрреволюционеры, сейчас же начавшие «организацию власти» под прикрытием иностранных штыков. Летом 1918 года на территории Сибири и Поволжья образовался целый ряд русских контрреволюционных «властей», довольно быстро начавших подсиживать одна другую. На Дальнем Востоке орудовал казачий атаман Семенов, отъявленный головорез и монархист.

Семенова поддерживали японские империалисты, отправлявшие все новые партии своих войск в Восточную Сибирь. В Омске сидела контрреволюционная «Сибирская областная дума», образовавшая «Сибирское временное правительство». В захваченной чехами Самаре образовался эсеровский «Комитет членов Учредительного собрания», также выделивший свой «кабинет министров».

Тем временем в Поволжье оформился против Советской России новый, Восточный фронт, созданный чехо-словаками и отрядами организованной эсерами «народной армии». Все руководство этой эсеровской армией находилось в руках контрреволюционных генералов и офицерства.

Вообще эсеры в Сибири (за исключением Дальнего Востока, где сидел Семенов), как и предсказывал в своем докладе майор Пишон, после свержения советской власти были «именинниками». Им принадлежала власть в Самаре и значительное влияние в омском временном правительстве.

Следует отметить, что партия эсеров вполне оправдала надежды иностранных империалистов. Даже более. По выражению вождя сибирской эсеровщины Авксентьева, «русская демократия горячо и открыто призвала союзные вооруженные силы на помощь в ее борьбе с большевиками». Эсеровский Комитет членов Учредительного собрания (сокращенно — «Комуч»). послал Антанте специальное обращение, где говорилось, что «Комитет будет

приветствовать поддержку вновь формируемой народной армии со стороны союзников как непосредственным участием на нашем фронте вооруженных союзнических сил, так и усилением армий военнотехническими средствами». С подобными заявлениями выступало и сибирское правительство. С своей стороны интервенты одобрительно гладили эсеров по головке. Вот извещение на имя Комуча:

«Французский посол Нуланс и генерал Лаврен благодарят Комитет Учредительного собрания за ту громадную работу, которую сделал и делает Комитет в интересах общесоюзного дела, и выражают уверенность, что союзники не замедлят оказать Комитету самую существенную финансовую и материальную помощь».

Но если в отношении угодливости и стояния на задних лапках перед иностранными захватчиками эсеры оказались вполне подходящими, то в качестве «авторитетной власти» они совершенно не оправдали надежд интервентов. Буржуазия, духовенство и кулачество поддерживали эсеров и горячо приветствовали их как избавителей от советской власти. Но трудящиеся массы Сибири и Поволжья очень скоро поняли, что им не по пути с эсеровскими правителями. Правда, «социалистические» вожди, создавшие себе известность лозунгами «земли и воли», продолжали прикрываться

фразами о «свободе», «демократии», «народоправстве», но эти фразы уже не могли скрыть от рабочих и крестьян того, что эсеровские правительства заключили открытый союз с капиталистами и помещиками. Так, например, декретом Комуча от 16 июля была возвращена помещикам половина урожая с их бывших земель, захваченных крестьянами. Одна из поволжских газет так описывает действия яицких казаков, входивших в «народную армию». «Когда казаки приближались к Семипалатинску (дело было осенью 1918 года) с юга, то до граждан начали доходить слухи, что они творят расправу над крестьянами. Слухи оказались действительностью. С их помощью помещики собрали обратно в свои экономии весь взятый крестьянами живой и мертвый инвентарь. То, чего в экономиях помещики не досчитывали, взыскивалось с крестьян деньгами. Начальники отдельных карательных отрядов отдавали волостным управам приказы к определенному сроку собрать имущество помещиков, а чего не окажется налицо, взыскать деньгами. Разгул страстей проявился всюю. В данный момент крестьяне снесли в экономии помещиков почти все». Ясно, что крестьянство, вначале отнесшееся равнодушно к перевороту, вскоре же превратилось почти поголовно в убежденных сторонников советской власти.

В городах эсеровская власть производила нажим на рабочих и заключила открытый союз с

фабрикантами и заводчиками. Журнал заседаний Комуча сообщает о состоявшемся 14 июля решении «созвать совещание из представителей рабочих и предпринимателей, с участием представителей органов самоуправления, по вопросу о восстановлении прав владельцев». Буржуазия не оставалась в долгу. В дни правления Комуча был образован «финансовый стол» из представителей фабрикантов, биржевиков и торговцев, снабжавший деньгами эсеровскую власть.

Кроме экономического нажима на трудящихся эсеровские правительства предприняли нажим политический, начиная с введения предварительной цензуры и кончая массовыми расстрелами недовольных в селах и городах. Достаточно привести один характерный приказ генерала, командовавшего эсеровскими войсками в Казани. Приказ этот был издан после выступления казанских рабочих в начале сентября 1918 года:

«а) В случае малейшей попытки какой-либо группы населения, и в частности рабочих, вызвать в городе беспорядки, вроде имевших место 3 сентября, по кварталу, где таковые произойдут, будет открыт беглый артиллерийский огонь;

б) лица, укрывающие большевистских агитаторов или знающие об их местонахождении

и не сообщившие об этом коменданту города, будут предаваться военно-полевому суду как соучастники.

Начальник гарнизона
генерал-лейтенант Рычков».

И действительно, в Казани был применен обстрел артиллерией рабочих кварталов. Подобные случаи были во многих городах Поволжья и Сибири. Так, оставляя под давлением Красной армии Самару в октябре 1918 года, Комитет Учредительного собрания направил карательный отряд в фабричный центр Иващенково близ Самары. По словам очевидцев этим отрядом было расстреляно несколько сот непокорных рабочих. В результате всего этого трудящиеся массы скоро открыто стали во враждебные отношения к эсеровским правительством. Не только не получилось народного движения против большевиков, на которое рассчитывали интервенты, но возникло обратное движение масс—за советскую власть, против эсеровской белогвардейщины.

Политический провал эсеров увеличивался еще трениями, происходившими между Комучем и Омским правительством. В довершение всего с сентября начались поражения белогвардейцев на фронте, и «народная армия», совместно с чехо-словаками, спешно покатились к Уралу под ударами красных войск.

Начало успехов Красной армии на фронте совпало с открытием в Уфе «Государственного совещания» из представителей Комуча, омского правительства и различных контрреволюционных партий и групп Сибири. Это совещание было созвано эсерами с целью договориться о создании «всероссийской власти». По этому поводу приведем только небольшой отрывок из воспоминаний одного из эсеров, отошедшего в то время от учредителей (М. Коган-Бернштейн).

«Перед открытием совещания уфимский архиепископ Андрей в кафедральном соборе служил молебен о преуспейнии трудов Государственного совещания и произнес речь, смысл которой сводился к тому, что не эта разномастная и разноплеменная публика спасет Россию, а, «как уже было встарь», одно, всей России известное имя. А присутствовавшие на молебне «социалисты» Авксентьев, Аргунов, Роговский, Моисеенко и другие, не возражая против этого откровенного намека на Михаила Романова, идут ко кресту совершать «поцелуйный обряд», освящая демократию православием, думая, очевидно, под покровом черной мантии церковности протянуть через игольное ушко реакции так хорошо спасаемое ими «Учредительное собрание».

Этот отрывок не нуждается ни в каких пояснениях и показывает, до чего докатились «социалистические» вожди сибирской контрреволюции.

Уфимское государственное совещание в результате долгих разговоров образовало «Всероссийское правительство» — так называемую «Директорию» из 5 человек. В Директорию фактически входили Авксентьев и Зензинов — эсеры, Вологодский — беспартийный, близкий к эсерам, генерал Болдырев и кадет Виноградов. Председателем Директории был Авксентьев. Эта Директория, ввиду успехов Красной армии, бежала 8 октября из Уфы в Омск. Примерно в это же время в Омск прибыли представители Антанты, образовавшие «Междусоюзный совет высоких комиссаров», которому надлежало руководить из Сибири борьбой против советской власти. В Омске и других крупных городах уже находились антантовские военные представители и значительные отряды иностранных войск.

Эсеровская директория просуществовала в Омске еще около месяца, надрываясь в различных политических потугах и по мере сил проводя борьбу с советской властью. Затем в ноябре 1918 года Директория и эсеры ходом событий были устранены с политической сцены и власть перешла к диктатору и «верховному правителю» адмиралу Колчаку.

III. ПЕРЕВОРОТ КОЛЧАКА.

Вице-адмирал (чин царского флота ниже адмирала — не полный адмирал) Александр Васильевич Колчак родился в 1873 году. Он кончил морской кадетский корпус в Петербурге и с 1894 года служил в царском флоте. Во время империалистической войны, в 1916 году, Колчак был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом. В этой должности его застала Февральская революция 1917 года.

Для характеристики политической физиономии Колчака и его отношения к свержению самодержавия приведем один из его приказов по Черноморскому флоту, изданный 2 марта 1917 года в день отречения Николая Романова:

«В последние дни в Петрограде произошли вооруженные столкновения с полицией и волнения, в которых приняли участие войска Петроградского гарнизона. Государственной думой образован Временный комитет под председательством председателя Государственной думы Родзянко для восстановления порядка. Комитет поставил себе целью установлением правильной деятельности в тылу и поддержанием дисциплины в воинских частях довести войну до победного конца. Войска гарнизона Петрограда восстановили порядок...

Пусть каждый помнит, что мы являемся не только защитниками своего побережья, но способствуем боевым подвигам нашей доблестной армии, а наша боевая работа и готовность непосредственно влияют на успех войны. Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенных мне сухопутных войск продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед государем императором и родиной.

Приказ прочесть на собраниях команд на кораблях, в ротах, сотнях и батареях, а также объявить всем работающим в портах и на заводах.

Подпись: Вице-адмирал Колчак».

После падения царского строя Колчак некоторое время оставался командующим Черноморским флотом, даже ездил в Петроград для доклада Временному правительству и в мае 1917 года принимал у себя Керенского, приехавшего «уговорить» революционных черноморских матросов. Уговоры, конечно, не подействовали, и в начале июня Колчак должен был отстраниться от командования Черноморским флотом из-за обострения отношений с Севастопольским советом и командами судов. После этого он уехал в Петроград, где пробыл более месяца «без определенных занятий». Будучи человеком прямолинейного характера и опре-

деленно контрреволюционных взглядов, он не мог найти себе применения среди политической чехарды и говорильни времен Керенского. Поэтому когда Колчак получил от американской военно-морской миссии предложение поехать в Соединенные штаты, то и он и правительство Керенского, не знавшее, куда его девать, с радостью согласились. Официальной целью его командировки в Америку было участие в разработке вопросов по борьбе с германскими подводными лодками. Отъезд Колчака за границу произошел в июле 1917 года через Норвегию и Англию. Приездом в Лондоне Колчак, между прочим, вел с английскими военными кругами разговоры о положении в России и о способах продолжения ею войны «до победного конца». Характерно, что один из собеседников Колчака—начальник морского генерального штаба адмирал Холль—уже тогда заявил, что положение в России «может спасти только военная диктатура».

Из Англии Колчак поехал в Америку. Он пробыл в Соединенных штатах до ноября 1917 года и выехал в Японию, намереваясь через Дальний Восток вернуться в Петроград. В Японию Колчак прибыл уже после получения официальных известий об Октябрьской революции и организации советской власти в России. Признавая, конечно, невозможным для себя возвратиться в «большевистскую» Россию, Колчак обратился к английскому послу в

Японии с просьбой о принятии его на английскую военную службу. Английское правительство, запрошенное послом, удовлетворило просьбу Колчака и предложило ему ехать в Индию для отправки на Месопотамский фронт. В начале 1918 г. Колчак прибыл в Сингапур—английский военно-морской порт на полпути между Японией и Индией. Там он неожиданно получил телеграмму от английского генерального штаба с предложением «ввиду изменившейся обстановки» вернуться на Дальний Восток.

Это было время подготовки интервенции и организации русских контрреволюционных сил. По предложению англичан Колчак явился к бывшему царскому посланнику в Китае князю Кудашеву. Тот предложил ему руководить формированиями белогвардейских отрядов в Манчжурии в полосе отчуждения Восточно-китайской железной дороги, находившейся в руках белогвардейцев. В течение нескольких месяцев Колчак занимался организацией белогвардейских сил в Манчжурии. За это время произошел чехо-словацкий мятеж, свержение советской власти в Сибири и интервенция иностранных войск. Летом 1918 года Колчак перекочевал в Японию, а затем, после совещания с английским генералом Ноксом, поехал в Омск. Некоторое время Колчак пробыл в Омске без дела, затем, по настоянию англичан и сибирских военных кругов, был приглашен в образовавшийся при эсеровской Директории Совет министров. В должно-

сти военного и морского министра правительства Директории он пробыл около месяца.

Положение в белой Сибири было в то время чрезвычайно запутанным. Директория заявляла о своей решимости «вести беспощадную борьбу с большевизмом» и лизала руки иностранным «союзникам». Но Директория (иначе—«Временное все-российское правительство»), раздираемая внутренними склоками, фактически не имела никакой силы. Трудящиеся массы Сибири уже раскусили Директорию и отвечали на ее приказы забастовками и партизанскими выступлениями. С другой стороны, две главные контрреволюционные силы—буржуазия и офицерство—не видели никакой необходимости в эсерах и хотели иметь политическую власть в своих руках. Так же были настроены и интервенты. Постепенно все меньше власти оставалось у Директории и все больше она переходила в руки различных сибирских генералов и атаманов. Английские представители в Сибири открыто говорили о необходимости военной диктатуры. «Несомненно, Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти», заявил английский полковник Уорд, прибывший с отрядом в Омск. Тот же полковник Уорд в своих воспоминаниях называет членов Директории «самыми отчаянными банкротами, которых когда-либо производила Россия».

Среди контрреволюционного офицерства при благосклонном попустительстве союзников велась подготовка военного переворота. Колчак был наиболее яркой и решительной фигурой на омском контрреволюционном горизонте. Русские контрреволюционеры и «союзники» сошлись на нем.

18 ноября 1918 года в Омске с ведома и одобрения представителей Антанты произошел давно подготавливавшийся офицерский переворот, приведший к власти «верховного правителя»—Колчака. Три казначьих офицера явились ночью с вооруженным отрядом, арестовали членов Директории Авксентьева и Зензинова и ряд их политических единомышленников. На следующий день сибирский кабинет министров во главе с членом Директории Вологодским, перешедшим на сторону Колчака, вручил Колчаку всю полноту власти. Весь переворот произошел с опереточной быстротой и с соблюдением видимой «законности». Сибирский совет министров принял одно за другим три заранее изготовленных постановления, которые заслуживают того, чтобы привести их целиком:

1. УКАЗ СОВЕТА МИНИСТРОВ.

18 ноября 1918 года.

Производится: Военный и морской министр вице-адмирал Александр Васильевич Колчак в адмиралы.

(подписи)

2. ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ.

18 ноября 1918 года.

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства, Совет министров с согласия наличных членов Временного всероссийского правительства постановил: принять на себя всю полноту верховной государственной власти.

(подписи)

Ввиду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках Совет министров постановил: передать временное осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование верховного правителя.

(подписи)

На защиту Директории не поднялась ни одна вооруженная рука. Уже на другой день после переворота «верховный правитель» имел в Омске послушный аппарат гражданской и военной власти. Весь совет министров эсеровской Директории, состоявший в большинстве из представителей буржуазии, остался, разумеется, работать при Колчаке.

Русская и иностранная контрреволюция в Сибири праздновала осуществление своей мечты о диктаторе. Колчак был засыпан «верноподданическими» телеграммами и приветствиями иностранных представителей. Вот два документа того времени.

На другой день после переворота «Всероссийский совет съездов торговли и промышленности», пребывавший в Омске, послал всем организациям купцов и заводчиков Сибири следующую телеграмму:

«Вчера, 18 ноября, Всероссийское временное правительство реорганизовалось, поручив осуществление всей полноты верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку. Торгово-промышленный класс уже давно на своих съездах единодушно заявлял, что путь к возрождению России лежит в создании сильной, единоличной национальной верховной власти. Совет съездов ныне горячо призывает вас оказать новой власти самую дружную поддержку и принять участие в деятельной работе по созданию экономической мощи страны и устранению царящей в ней разрухи».

Это сообщение о колчаковском перевороте, так сказать, «отечественного» происхождения.

А вот официальное приветствие, полученное Колчаком спустя некоторое время после переворота от английского верховного комиссара в Сибири сэра Эллиота:

«Ввиду того, что ваше высокопревосходительство приняли на себя верховную власть в Омске, великобританское правительство желает выразить свое горячее сочувствие всем усилиям к установлению свободного русского государства на твердых основах общественного доверия. При таких условиях Россия может вернуться к ее прежнему положению и получить возможность в полной мере принять участие в работе цивилизации».

Эти документы показывают со всей ясностью, чьи интересы выдвинули Колчака на роль всероссийского диктатора.

Дальше мы увидим, в чем заключалась «работа цивилизации», которую выполнял в Сибири царский адмирал Колчак при активной поддержке английских и прочих империалистов.

IV. ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ КОЛЧАКА.

Посмотрим теперь, какова была «политическая» программа сибирского диктатора, что принес он подвластному населению и как выполнял задания поставившей его иностранной и российской контрреволюции. Прежде всего Колчак уже в день свое-

го «вступления на престол» издал воззвание к населению. Вот это воззвание:

«К населению России.

18 ноября 1918 года Всероссийское временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне—адмиралу русского флота Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной власти, объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашаемые по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный правитель адмирал Колчак».

Как видим, тон этого первого воззвания довольно «демократический». В нем ясно сквозят идеи, высказанные полковником Пишоном о том, что контрреволюция в Сибири должна выступить под

«демократическими» лозунгами. «Никакой реакции, никакого большевизма», буквально писал Пишон о политической программе будущей сибирской власти. Колчак и выдвинувшие его русские и иностранные контрреволюционеры, конечно, прекрасно учитывали, что если они объявят о немедленном восстановлении старого строя, то не только рабоче-крестьянские массы, но и большая часть интеллигенции пойдет против них. Поэтому на словах они старались показать себя сторонниками «демократии», особенно в первое время. Да и позже Колчак в нужные минуты нередко пользовался лозунгами «свободы», «национального собрания» и т. д., предназначавшимися для российских простачков и для заграницы. Зато на деле сибирская контрреволюция с первых же дней показала свои клыки. Прекрасным дополнением к колчаковскому воззванию о перевороте является приказ, изданный одним из ближайших сподвижников Колчака командующим Сибирской армией генералом Ивановым-Риновым на другой день после переворота. Объявив «вверенным» войскам и населению о совершившемся перевороте, устанавливающим «столь необходимое в тяжкий переживаемый момент единоличное управление государством», генерал переходит к деловой стороне вопроса, а именно:

«1) Временно воспретить повсеместно народные собрания под открытым небом.

2) Собрания в закрытых помещениях допускать лишь с особого на каждый раз разрешения начальников гарнизонов.

3) Пресекать в самом зародыше всякие попытки какой бы то ни было словесной или печатной пропаганды против всероссийского правителя и Совета министров, для чего виновных предавать военно-полевому суду.

4) Поддерживать в войсках железную дисциплину и в случае единичного или массового неповиновения подчиненных начальникам предавать неповинующихся военно-полевому суду».

Черносотенное офицерство и установленные Колчаком гражданские начальники из старых царских чиновников и жандармов деятельно занялись проведением в жизнь генеральских приказов. Вот что писал по этому поводу один американский журналист, побывавший в Сибири в конце 1918 года:

«Поведение офицеров становится все более и более вызывающим, они мстят за пережитое у большевиков на солдатах, тогда как среди солдат усиливается дух возмущения».

«Во многих местах воскресли нравы, свойственные царскому режиму,—офицеры секут крестьян и рабочих розгами».

Виселицы, порки, массовые расстрелы без суда разлились по Сибири широкой волной. Среди бело-

гвардейского офицерства считалось шиком расстреливать партии политических арестованных якобы «при попытке к бегству». Об этом затем писалось официальное донесение, и дело с концом. Вот один из таких документов от декабря 1918 года, говорящий о расстреле партии политических арестантов при препровождении из омского суда в омскую тюрьму. Прокурор, которому для формы было поручено расследовать дело, донес начальству:

«Так как конвоируемые, вопреки запрещению начальника конвоя не разговаривать между собой, продолжали переговариваться, то поручик Барташевский, опасаясь как бы арестованные не сговорились учинить побег, а также ввиду малочисленности конвоя, решил привести в исполнение приговор суда, вывел арестованных на р. Иртыш, где и привел приговор в исполнение, причем при возникшей среди конвоируемых панике были расстреляны не только приговоренные к смертной казни, но и остальные арестованные».

Вот и все. То обстоятельство, что вместо пяти человек, приговоренных к расстрелу, было расстреляно шестнадцать, нимало не беспокоило колчаковских «законников».

Уже в первые месяцы господства Колчака начались волнения крестьян и рабочих Сибири, сопро-

вождавшиеся подавлениями и массовыми расстрелами. Так, в ночь на 22 декабря 1918 года произошло восстание рабочих в Омске и в близлежащем рабочем поселке Куломзино. После подавления восстания колчаковцами было расстреляно без суда до 800 рабочих. В феврале 1919 года волнения в Омске повторились, на этот раз с участием солдат, и вызвали сотни новых расстрелов. То же самое происходило в разных местах Сибири. Приведем краткое описание белогвардейской расправы после подавления солдатского восстания в Томске в конце 1918 года:

«Недалеко от казарм и тюрьмы есть вал. На этом валу были расстреляны восставшие. Неудовлетворившиеся этим офицеры ворвались в тюрьму, вывели из нее около двухсот заключенных и расстреляли их на том же валу».

Беспощадно справляясь с проявлениями народного недовольства внутри Сибири, сам верховный правитель при широкой помощи Антанты занялся подготовкой к вооруженной борьбе против Советской России. В беседе с представителями сибирской белой печати через несколько дней после переворота Колчак заявил: «Обстановка, в какой мы сейчас пребываем, заставляет меня и моих ближайших помощников сосредоточить все внимание прежде всего на создании сильной, боеспособной армии. Это наша первостепенная задача».

Переход верховного командования армией к Колчаку совершился быстро и без особых потрясений. Фактическая власть в эсеровской армии все равно принадлежала старому офицерству и генералам, которые в большинстве принимали участие в подготовке колчаковского переворота. После пере-

Группы рабочих поселка Куломзино, расстрелянных колчаковцами в феврале 1919 года. (Из материалов музея РККА.)

ворота они, конечно, с восторгом приветствовали «своего» диктатора. Единственное противодействие Колчаку в армии было оказано на Дальнем Востоке и то не эсерами, а заядлым висельником и монархистом атаманом Семеновым, сидевшим в Чите. Семенов, которому оказывала широкую поддержку империалистическая Япония, хотел бес-

чинствовать на Дальнем Востоке совершенно самостоятельно и бесконтрольно. Поэтому при известии о колчаковском перевороте он объявил о неподчинении «верховному правителю» расположенных на Дальнем Востоке войск, разослал всем знакомым генералам протестующие телеграммы и даже прервал на несколько дней телеграфное и железнодорожное сообщение Омска с Владивостоком. Приведем отрывок телеграфных переговоров между Семеновым и неким полковником Березовским, которому было поручено из Омска усмирить непокорного атамана. На переданные ему увещания Семенов отвечал: «Поражен вашей дерзостью, граничащей с нахальством, делать мне какие бы то ни было нравоучения».

«После этого полковником Березовским было сообщено атаману Семенову, что он не считает возможным поддерживать дальнейшее сношение с ним, так как атаманом Семеновым потеряно равновесие до невменяемости». (Из сибирской газеты того периода «Новости жизни».)

Этот обмен любезностями как нельзя лучше характеризует нравы и «быт» сибирской контрреволюции.

В конфликт между Колчаком и Семеновым вмешались представители интервентов. Через несколько дней атаман был приведен к видимой покорности, но остался фактическим хозяином Дальнего Востока.

В конце 1918 года, в период прихода Колчака к власти, положение на Восточном фронте гражданской войны было (кроме Пермского участка) неблагоприятно для сибирской контрреволюции. Войска чехо-словаков и «народной армии» под напором красных частей оставили Поволжье и постепенно откатывались к Уралу. Все внимание Колчака и интервентов направилось сначала на приостановку отступления, затем на переход в наступление белых армий. Зима 1918—1919 года прошла в лихорадочном подвозе из-за границы иностранного вооружения и снаряжения, в мобилизациях и формированиях новых частей.

Еще в конце 1918 года обозначился нажим белогвардейцев на северном участке Восточного фронта. Затем началось наступление на Пермь, которая и была занята белыми 24 декабря. Это наступление, развернувшееся при Колчаке, было намечено еще эсеровской Директорией по требованию английского военного представителя в Сибири генерала Нокса. Дело в том, что англичане надеялись на соединение Восточного белогвардейского фронта с фронтом интервентов на севере. После этого соединения, которое намечалось в Вологде, интервенты предполагали совместно вести наступление на Москву. Но надежды на соединение с Архангельском не осуществились. Стойкость Красной армии и огромные малолюдные пространства северной тайги и тундры остановили наступление контрреволюции.

После неудачи на севере внимание Колчака и интервентов переносится на Волгу.

В феврале 1919 года колчаковцы вели деятельную подготовку к своему второму наступлению на Уфу—Самару, имея конечной целью опять-таки Москву. К марту белые достигли общего численного перевеса на Восточном фронте, а на Уфимском участке, где готовился их главный удар, они сосредоточили 40 000 отборных войск против 11 000 бойцов Красной армии. 6 марта началось наступление Колчака. Красные отряды не выдержали напора многочисленных, прекрасно вооруженных англичанами белогвардейских войск. Красная армия подалась назад. Март—апрель 1919 года были временем наибольших успехов Колчака. Его армии заняли Уфу и ряд других городов. В конце апреля войска Колчака были уже в нескольких десятках верст от Самары и Казани. Перед Колчаком, по выражению одного из его министров, «уже белели стены Кремля и раздавался звон московских колоколов». Но это были последние успехи сибирской контрреволюции. Затем наступил перелом.

Во все время гражданской войны Красная армия в своих неудачах черпала новую силу. Так случилось и на колчаковском фронте. Когда расстроены красные полки покатались назад под ударами колчаковцев, трудящиеся массы советской страны, руководимые партией Ленина, бросили все силы для отпора новому врагу. На фронт потекли по-

полнения. В городах прифронтовой полосы происходили добровольные мобилизации рабочих и коммунистов. Постепенно отступление красных войск становилось все более медленным, их сопротивление росло. Наконец красные армии Южной группы Восточного фронта под руководством Михаила Васильевича Фрунзе перешли в наступление. Фронт Колчака был прорван в направлении Бугуруслан—Бугульма. Белогвардейские войска покатались обратно. Это было началом конца колчаковщины.

У. КОЛЧАК И АНТАНТА.

Когда империалисты Антанты разрабатывали первоначальный план интервенции, они рассчитывали послать в Советскую Россию «достаточное количество» иностранных войск. Предполагалось, что эти войска, совместно с силами нашей российской контрреволюции, в два счета покончат с властью трудящихся в России.

Сибирь, как известно, была одним из главных путей для вторжения интервентов. Иностранные войска—японские, английские, американские, французские и другие—начали прибывать туда со второй половины 1918 года. Посылая свои войска на советскую землю, иностранные империалисты старались как можно удачнее замаскировать свои захватнические цели. Вот две небольшие выдержки из воззваний держав Антанты «к русскому народу», из-

данных в августе—сентябре 1918 года—в период развертывания сил интервенции:

«Нашей задачей является содействие развитию вашей промышленности и использованию

Одно из колчаковских знамен, взятых Кр. армией (хранится в музее РККА).

вами самими природных богатств вашей родины, но ни в коем случае не эксплуатация их в наших узких интересах».

Это из воззвания английского министра иностранных дел лорда Бальфура от 22 августа 1918 года.

А вот выдержка из обращения того же периода французского «высокого комиссара» в Сибири Реньо:

Одно из колчаковских знамен, взятых Кр. армией (хранится в музее РККА).

«Наше выступление будет направлено исключительно в интересах России. Мы гарантируем самым категорическим и совершенным образом уважение к независимости, свободе и суверенитету русского народа и территориальной неприкосновенности его».

Под прикрытием подобных заявлений интервенты рассчитывали произвести молниеносный удар для полного искоренения «большевистской заразы». Осень 1918 года вообще была «медовым месяцем» интервенции. Прибывший в октябре во Владивосток французский военный представитель генерал Жаннен заявил во всеуслышание, что «втечение ближайших пятнадцати дней вся Советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать».

Но действительность не оправдала генеральских надежд. Усмирить «взбунтовавшихся» рабочих и крестьян России оказалось значительно труднее, чем это себе представляли завоеватели из Лондона и Парижа. Вместо торжественных встреч с цветами и колокольным звоном, которые рисовались воображению интервентов, они встретили в массах населения в лучшем случае безразличие, а большей частью—открытую враждебность. Только буржуазия, офицерство и политические авантюристы вроде эсеров из Самарского Комуча радостно приветствовали иностранных захватчиков.

Была и вторая причина, охладившая первоначальный пыл интервентов. Дело в том, что перебросить в Россию огромные армии, необходимые для решительной победы над советской властью, оказалось не так-то легко. Солдаты иностранных армий, изнуренные трехлетней мировой войной, не имели никакого желания отправляться в далекую

Россию, для того чтобы усмирять своих братьев—русских трудящихся. Империалисты должны были призадуматься перед возможностью того, что армии, отправленные для подавления русской революции, вернутся домой с красными знаменами. Поэтому в Советскую Россию были отправлены не сотни тысяч, как сначала предполагалось, а только десятки тысяч отборных иностранных войск.

Потерпев неудачу в своем первом намерении—самим задушить Советскую Россию,—интервенты решили всемерно использовать для этой цели силы внутренней русской контрреволюции. С начала 1919 года все шире и шире разворачивается снабжение русских белогвардейских армий оружием и снаряжением из-за границы. Кроме организации снабжения державы Антанты через своих военных и гражданских представителей держали целиком в своих руках контрреволюционных правителей и генералов, боровшихся против советской власти.

В Сибири времен интервенции было два больших обособленных района иностранного влияния—Центральная Сибирь и Дальний Восток. Вся Восточная Сибирь—от Владивостока до озера Байкал—была занята войсками двух держав, имевших там непосредственные экономические интересы,—Японии и Североамериканских соединенных штатов. Япония держала в Сибири значительно больше войск (свыше 3 дивизий) и вела резко империалистическую,

захватническую политику. Роль Соединенных штатов сводилась главным образом к контролю и наблюдению за своим конкурентом. Для характеристики политики японского империализма на Дальнем Востоке в период интервенции приведем следующие документы. Начиная интервенцию, японские империалисты поспешили, подобно прочим державам Антанты, заявить о том, что «японское правительство остается непоколебимым в своем постоянном желании поддерживать и развивать прочные дружественные отношения с Россией и русским народом, и оно вновь подтверждает свою неизменную политику уважения территориальной целостности России и воздержания от всякого вмешательства в ее внутренние дела». (Из декларации 2 августа 1918 года.)

А одновременно с этим, как сказано в воспоминаниях английского полковника Уорда, «при высадке своих войск во Владивостоке Япония представила командующему областью через своих дипломатических агентов ряд предложений, которые отдавали под ее контроль русские приморские области». Предложения состояли в следующем: «Япония обязуется уплатить командующему 150 миллионов рублей (бумажками), взамен чего последний должен подписать соглашение, предоставляющее Японии владение всеми береговыми и рыбными правами вплоть до Камчатки, вечную аренду Инжилских копей и все железо (исключая принадлежащее со-

южанкам), находящееся во Владивостоке». Так молодой японский империализм, несмотря на свои торжественные заявления, с первых же дней интервенции протягивал жадные руки к природным богатствам нашего Дальнего Востока.

Во все время интервенции Восточная Сибирь была занята крупными силами японских войск. Хотя в 1919 году, в период колчаковщины, Дальний Восток и числился под властью верховного правителя, но фактически там господствовали японцы и их ставленники—атаманы Семенов и Калмыков с отрядами своих головорезов. Японо-американская интервенция на Дальнем Востоке имеет свою особенную историю, независимую от истории колчаковщины. В наиболее трудные, решающие годы гражданской войны контрреволюционный Дальний Восток не соприкасался с Советской Россией и не оказывал значительного влияния на ход вооруженной борьбы на фронтах Поволжья, Урала и Западной Сибири. Поэтому не будем останавливаться на истории дальневосточной интервенции и белогвардейщины, это—отдельная тема.

Посмотрим, какую роль играли иностранные империалисты в самой Сибири—в царстве одного из самых опасных врагов Советской России—адмирала Колчака. За все время пребывания «верховного правителя» у власти—с ноября 1918 по конец 1919 года—вся его деятельность находилась в полной зависимости от империалистических держав Ан-

танты, главным образом Англии и Франции. По существу Колчак, выдвинутый Антантой в диктаторы, был прямым слугой иностранных империалистов, которые использовали его, так же как и многих генералов на других фронтах гражданской войны, для борьбы против советской власти в России. Втечение почти целого года—с осени 1918 года до июня—июля 1919 года—контрреволюционная Сибирь занимала первое место в иностранных планах покорения Советской России. В Сибири же (считая и Дальний Восток) находилось больше иностранных войск, чем в других областях России, захваченных контрреволюционерами

Задачей этих иностранных войск была уже не борьба с Красной армией на фронте. Это почетное занятие интервенты предоставили наспех сколоченным белогвардейским армиям Колчака. Иностранные же войска, во первых, имели целью «защиту интересов» империалистов и, во вторых, занимали важнейшие в экономическом и военном отношении районы Сибири. Так, «под охраной» иностранных войск различных национальностей находилась Сибирская железная дорога. Иностранные гарнизоны стояли в Омске и других наиболее значительных городах Сибири. Надо сказать, что этим интервенты все же оказывали огромную услугу Колчаку, обеспечивая его тыл и часто принимая на себя борьбу с многочисленными восстаниями трудящихся внутри белой Сибири.

Наиболее многочисленными из иностранных войск, находившихся в Центральной Сибири, были чехо-словаки, которые в начале 1919 года окончательно ушли с фронта и взяли на себя охрану Сибирской железной дороги. Кроме чехословаков в Сибири находились отряды англичан и французов (в Омске), итальянцев (в Красноярске), а также румын, поляков и даже сербов. Все эти войска под руководством «просвещенных» офицеров бесчинствовали в городах и на железных дорогах, захватывали с пулеметами вагоны и паровозы, производили массовые расстрелы, порки и насилия в тех местах, где население осмеливалось высказывать недовольство.

Для общего руководства борьбой против советской власти в Омске находился «Междусоюзный совет высоких комиссаров» из представителей Англии, Франции, Америки и Японии. Этому совету был фактически подчинен Колчак. Кроме того в Омске были специальные военные представители держав Антанты, на которых лежала практическая работа по организации вооруженной борьбы с Советской Россией. Наибольшее значение имели военные представители Франции (генерал Жаннен) и Англии (генерал Нокс). Приведем документ, подписанный ими и Колчаком 16 января 1919 года, показывающий, насколько велики были права и влияние представителей Антанты в белой Сибири.

«Генерал Жаннен является главнокомандующим всеми союзными войсками, действующими на востоке России и в Сибири к западу от Байкала (английскими, французскими, итальянскими, польскими, румынскими, сербскими, югославянскими и чехо-словацкими).

В целях обеспечения единства действий на всем фронте высшее русское командование будет согласовывать ведение операций с общими директивами, сообщаемыми генералом Жанненом представителям высшего междусоюзного командования.

В целях обеспечения плодотворной совместной работы русских и союзных войск и ориентировки как в отношении требований на материальную часть, подлежащих предъявлению союзным правительствам, так и в отношении использования этой материальной части генерал Жаннен будет иметь право производить общий контроль как на фронте, так и в тылу.

Генерал Нокс является сотрудником генерала Жаннена по всем вопросам, касающимся снабжения, идущего из-за границы, и имеет общей задачей объединить помощь, оказываемую союзниками в тыловом районе; по соглашению с русским военным министерством он определяет совместно с генералом Жанненом заказы материальной части, которые надлежит делать у союзников, и обеспечивает доставку этого имущества на фронт, руко-

водствуясь в общем указаниями генерала Жаннена, на основах, указанных выше.

Кроме того генерал Нокс будет иметь задачей содействовать в тыловом районе организации и обучению формируемых частей войск. Английские

Колчак (в шинели) и ген. Жаннен (слева от Колчака) на параде в Омске в феврале 1919 года. (Из материалов музея РККА.)

или французские инструкторы будут предоставлены в его распоряжение.»

В общем, Колчак не мог предпринять ни одного серьезного шага без разрешения «высоких комиссаров» или антантовских военных представителей. Даже более—интервенты сами делали политику «верховного правителя». Мы знаем, например, что

по требованию генерала Нокса началось наступление на северном участке Восточного фронта, не достигшее больших результатов, но имевшее целью соединение с войсками английских интервентов, захватившими Архангельск.

Таковы были взаимоотношения Колчака и интервентов в области политической и военной. Державы Антанты наложили также свою лапу на Сибирскую железную дорогу, этот основной экономический нерв Сибири. Помимо того, что Сибирская дорога была занята иностранными войсками и находилась в их фактическом владении, в марте 1919 года был создан специальный «Междусоюзный контрольный комитет», в распоряжение которого перешли Сибирская и Восточно-китайская железные дороги. Таким образом в руках интервентов находилась вся полнота власти в белой Сибири в 1919 году.

Приведем маленький факт, чрезвычайно характерный для поведения иностранных империалистов в Сибири (да и вообще в нашей стране). Весной 1919 года «Междусоюзный технический совет» по управлению железными дорогами, во главе с английским генералом Джеком, осматривал уральские заводы. После их отъезда на вопрос одного из колчаковских министров о впечатлении от посещения иностранцев управляющие заводами ответили: «Они больше интересовались будущим, чем настоящим: какие капиталы должны быть по-

мещены в заводы для их развития, какая производительность может быть достигнута, какие доходы обеспечены».

Второй факт—командир английского отряда полковник Уорд, разъезжая по Сибири и Уралу и агитируя против советской власти «от имени английской демократии», попутно собирал и представлял по начальству сведения о полезных ископаемых и производительных ресурсах тех районов, где он побывал. Так иностранный империализм, осуществляя военное нападение на Республику советов, попутно нащупывал почву и для экономических захватов.

Посмотрим теперь, какова была роль интервентов в вооруженной борьбе против Советской России и какую помощь оказывали они Колчаку. Прежде всего со стороны «союзников», конечно, не было недостатка в приветствиях, похвалах и пышных фразах по адресу сибирской контрреволюции. Вот, например, соединенное приветствие английского и французского правительств, полученное Колчаком в апреле 1919 года—в период наступления колчаковских армий на фронте: «Глубоко веря в будущее России, единой и свободной, мы будем продолжать оказывать вам материальную и моральную поддержку, достойную того дела, на защиту которого вы встали».

Какова же была эта «достойная» поддержка? Наиболее существенную материальную помощь Кол-

чак получал от Англии. Вот как описывает тот же полковник Уорд работу английских военных представителей у Колчака: «Британские офицеры делали отчаянные усилия, чтобы организовать и снабдить войска для нанесения ранней весной смертельного удара большевикам. Генерал Нокс работал изо всех сил и давал больше указаний русскому правительству, чем все остальные союзные представители вместе». Предоставим слово по этому вопросу самому генералу Ноксу. Осенью 1919 года он выступил в омских газетах со специальной статьёй, в которой подводил итоги английской помощи Колчаку:

«Английские офицеры помогли и продолжают помогать при обучении более полутора тысяч молодых русских офицеров и такого же количества унтер-офицеров. Далее, наша помощь выразилась в посылке громадного количества военного материала в Сибирь, хотя это количество меньше того, которым Великобритания снабдила Деникина. Мы доставили в Сибирь сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни орудий и тысячи пулеметов, несколько сот тысяч комплектов обмундирования и снаряжения и т. д. Каждый патрон, выстреленный русским солдатом в течение этого года в большевиков, сделан в Англии, доставлен во Владивосток английскими пароходами».

Кроме Англии Колчаку посылали военное снаряжение и другие державы. Мы пока не имеем общей сводки помощи, оказанной Колчаку прочими державами Антанты. Но в белогвардейских документах того времени часто попадаются упоминания о

Колчак с офицерами английской военной миссии (близ Омска—лето 1919 г.); за Колчаком стоит ген. Нокс. (Из материалов музея РККА).

получении Колчаком то 150 000 винтовок и нескольких сот тысяч комплектов белья из Америки, то орудий из Японии, то снаряжения из Франции и т. п. В сентябре 1919 года, незадолго до своего окончательного падения, Колчак даже дает распо-

ряжение достать в Америке танки «какой угодно ценой и в кратчайший срок».

Здесь следует отметить одно весьма существенное обстоятельство. Дело в том, что империалисты Антанты, с радостью предоставляя Колчаку вооружение и средства для борьбы против советской власти, не упускали приэтом и интересов собственного кармана. За все снабжение, получаемое из-за границы, Колчак должен был расплачиваться. Частью он это делал, выдавая долговые обязательства от имени будущей «единой России», еще более закабалая иностранцам русских рабочих и крестьян, частью же адмирал расплачивался полноценным русским золотом, находившимся в его распоряжении.

Когда летом 1918 года чехо-словаки неожиданным налетом захватили Казань, в их руки попала часть нашего государственного золотого запаса, примерно на 600 миллионов рублей, находившаяся в то время в Казани. Затем золото было вывезено чехами и эсерами в Сибирь и после ноябрьского переворота попало в руки Колчака. Это золото верховный правитель постепенно отправлял за границу в уплату за военное снаряжение. Всего им было израсходовано, главным образом в Англии, Японии и Америке, 11 с лишним тысяч пудов золота на сумму свыше 200 миллионов рублей. Вот выдержка из докладной записки колчаковского мини-

стерства финансов по вопросу о расходовании золотого запаса:

«Уже в минувшем июне явилась необходимость отделить около 12 тысяч пудов из хранящегося в Омске золотого запаса и направить его во Владивосток для постепенной ликвидации в целях уплаты по иностранным обязательствам, сроки которых приближались. Несмотря на строжайшую экономию, за истекшие три месяца пришлось продать свыше 3 тыс. пуд. и заключить займы в Токио и Лондоне, с которыми пока связано расходование еще 2 с половиной тысяч пудов. Далее предвидится, в случае успешного заключения дополнительной части этих двух операций, дальнейшее расходование около 5 тысяч пудов желтого металла. Уже совершенные операции были использованы главным образом на уплаты по закупке патронов, винтовок, предметов снабжения, упряжи, медикаментов и других предметов врачебного ухода в Японии и Америке, на закупку сахара, а также на оказание помощи генералу Юденичу. Предстоящие же необходимы для наступающих платежей по приобретению ружей, обмундирования и другого военного снаряжения у американского правительства, патронов и винтовок от фирмы «Ремингтон», пулеметов

«Кольт» и др. К этому следует прибавить ряд текущих расходов по содержанию за границей дипломатических, военных, торговых и других представителей, а также телеграфные и другие расходы».

Так обстояло дело с военной помощью интервентов Колчаку. Конечно, значение этой помощи было огромно. Без иностранных войск в Сибири, без громадных партий иностранного военного снаряжения сибирская контрреволюция не представляла бы для нас сколько-нибудь серьезной опасности.

Стремясь к объединению всех контрреволюционных сил, борющихся против советской власти, державы Антанты весной 1919 года решили подчинить Колчаку всех контрреволюционных генералов и их правительства, образовавшиеся на территории России. Под нажимом союзников,— главным образом англичан—Деникин, Юденич, Миллер один за другим признали Колчака верховным правителем и «верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами России». Поскольку каждый из генералов действовал самостоятельно на своей территории, почти не имея непосредственной связи с Сибирью, постольку это признание не имело большого практического значения. Но оно было важно русской и иностранной контрреволюции для демонстрации «единения всех антибольшевистских

сил». Избрание в «главнокомандующие» именно Колчака показывает, что интервенты весной 1919 года свои наибольшие надежды возлагали на него.

С половины лета 1919 года наступает постепенное охлаждение отношений между Колчаком и его иностранными хозяевами. Это охлаждение было вызвано поражениями армий Колчака на фронте. Чем дальше продвигалась Красная армия по Сибири, тем равнодушнее становились «союзники» к «верховному правителю России».

VI. РАЗВАЛ КОЛЧАКОВЩИНЫ.

А на фронте дела обстояли все хуже и хуже для Колчака. Красная армия освободила Урал и вышла на равнины Сибири. Сибирская контрреволюция делала судорожные усилия, чтобы остановить надвигающуюся гибель. Но летом 1919 года белая Сибирь была уже наполовину трупом. Поражения на фронте только усиливали внутреннее разложение сибирской белогвардейщины. Генералы, офицерство, чиновники различных «министерств», представители буржуазии стремились в тыловой свистопляске урвать себе кусочки пожирнее, чуя близкое крушение власти верховного правителя. Летом 1919 г. в Сибири велась крикливая агитация с призывом ко всем «честным гражданам» записываться в добровольцы. Но агитация эта почти никаких результатов не дала.

Вот описание колчаковских железнодорожных порядков, данное в 1919 году сибирскими подпольщиками-большевиками.

«Провозоспособность на Сибирской магистрали сильно пала и продолжает падать, но нужные для сельского хозяйства орудия производства лежат неподвижно не по этой причине, а потому, что спекулянты и спекулятивные фирмы, находясь под покровительством сибирского правительства и подкупая в каждом отдельном случае начальников дороги (железнодорожные комитеты разогнаны), не оставляют свободного места для провоза необходимых населению продуктов производства. Об ужасных размерах взяточничества на Сибирской магистрали заговорила здесь вся пресса, разумеется, сваливая всю вину на низших служащих».

Несмотря на это, «на всех видах народного хозяйства замечается отпечаток упорной настойчивости сибирского правительства, не считаясь с результатами, вернуть бесконтрольную власть частного капитала».

Даже белая сибирская печать вынуждена была писать (без всякого результата, конечно) о полном упадке нравов сибирской буржуазии. Приведем обзор печати по этому вопросу, помещенный в сибирской газете «Заря» 1919 года:

ДОБРОВОЛЬЦЫ

НАСЪ ВЪ ПОЛЕ ДВИНУЛИ НЕ СИЛОЙ-
МЫ ВСТАЛИ ДРУЖНОЮ ТОЛПОЮ

|| ЗА ЖИЗНЬ И ЧЕСТЬ РОССИИ МИЛОЙ.
|| ЗА СЧАСТЬЕ РОДИНЫ СВЯТОЙ.

Колчаковский плакат 1919 года. Характерно полное отсутствие рабочих и крестьян среди „добровольцев“ на плакате. (Из материалов музея РККА.)

«Почти вся печать отмечает бездеятельность тех кругов, которые, казалось бы, наиболее заинтересованы в скорейшем оздоровлении и восстановлении торгово-промышленного аппарата и экономической устойчивости страны».

А вот что сообщила газета «Голос Сибири»:

«Со времени освобождения от большевистского господства ничего, решительно ничего не сделано для возрождения и восстановления нашей фабрично-заводской промышленности, для творческого использования наших величайших экономических возможностей».

Газета «Новая Сибирь»:

«Часть наших торгово-промышленных кругов занялась неприкрытой спекуляцией, использованием всякой возможности легкой наживы, не требующей производительного труда. Вместо разрешения экономических проблем наши биржевые комитеты и иные ассоциации капитала занимаются деланием политики, созданием различных политических комбинаций, могущих направить государственную жизнь по старым путям».

«Творческие задачи торгово-промышленного класса, выраженные девизом: «государственность» и «независимость», далеко не осуществляются. Девизы «начинают пороться по

всем швам». Доказательство этому то, что наши предприниматели торопятся сбыть свои предприятия иностранцам».

Вот как обстояло дело с «экономической жизнью» в сибирском контрреволюционном тылу.

В армии—этом оплоте контрреволюции—в низах, в солдатской массе, шло глухое брожение, сопровождавшееся солдатскими бунтами в тылу и переходами целых частей на сторону Красной армии на фронте. Верхи армии—контрреволюционное офицерство всех степеней, а также «добровольцы» и «ударники»—распоясывались все больше и больше, переходя от кутежей к расстрелам и поркам, от расстрелов к пьяным дебошам.

Даже в официальных белогвардейских документах того времени постоянно попадают факты, по которым можно судить о распущенности, царившей в войсках «спасителей России». Приведем несколько таких документов:

«В селе Светлолобовке Новоселовской волости (Минусинского уезда) три офицера, проехавшие перед Рождеством, с которыми был чех, украли на земской квартире одеяло и шарф».

«Фельдфебелем учебной команды был арестован казак 1-й сотни, который с обнаженной шашкой гонялся за прохожими по улицам».

«Подпоручик Томского гусарского полка Пестиков, придя в общественное собрание в Канске пьяным с револьвером в руке, угрожал членам собрания и выругал офицера. Будучи удален из собрания, вновь вернулся с винтовкой и вооруженными солдатами, грозя разнести собрание, но был силой разоружен, связан и отправлен на гауптвахту».

Вот любопытный приказ одного из колчаковских сподвижников—оренбургского атамана Дутова, относящийся еще к концу 1918 года:

«Рассмотрев дознание, представленное мне комендантом гор. Оренбурга по делу о сотнике 1-го линейного полка Оренбургского казачьего войска Самоцвет, усматриваю, что названный офицер 17 сего ноября позволил себе, будучи в нетрезвом виде, зайти вечером в кофейную и ввести туда же за собой свою верховую лошадь. Принимая во внимание, что такой недостойный офицерского звания поступок сотника Самоцвет является уже не первым, приказываю отправить его на службу в 19-й Оренбургский казачий полк для исполнения обязанностей рядового бойца». (Из материалов Музея РККА.)

Это все деяния мелкой сошки, которая за свои безобразия несла кое-какие кары от начальства. А само начальство—различные атаманы, командую-

щие, начальники отрядов—делали то же самое в широком масштабе, грабили помногу, убивали и насиловали пачками и, конечно, оставались безнаказанными. Атаман Семенов, например, занимался реквизициями в свою пользу железнодорожных грузов целыми вагонами, тут же перепродавая их спекулянтам. Чешский генерал Гайда, командовавший в 1919 году одной из армий Колчака, увез с собой целый поезд добра, наворованного на Урале.

Вообще атамановщина в 1919 году расцвела махровым цветом в колчаковской Сибири. Атаманы Семенов, Дутов, Иванов-Ринов, Анненков, Калмыков властвовали безраздельно и творили суд и расправу над населением «вверенных им» районов. С атаманами соперничали в «искоренении крамолы» специальные карательные отряды, рассылавшиеся Колчаком по Сибири для усмирения рабочих и крестьянских восстаний. Поистине жуткие картины «усмирительской» работы колчаковских подручных рисуют нам воспоминания очевидцев.

По словам уральских железнодорожников, «мастеровые и рабочие во время царствования Колчака испытали белогвардейскую нагайку; порка плетью происходила непосредственно в мастерских и на глазах у всех рабочих».

«Наших пленных товарищей и партизан,— рассказывает один из подпольных большевистских работников Сибири,—белые вешали на

телеграфных столбах, и когда, бывало, едешь по железной дороге, то попадались такие места, где на каждом столбе висел человек».

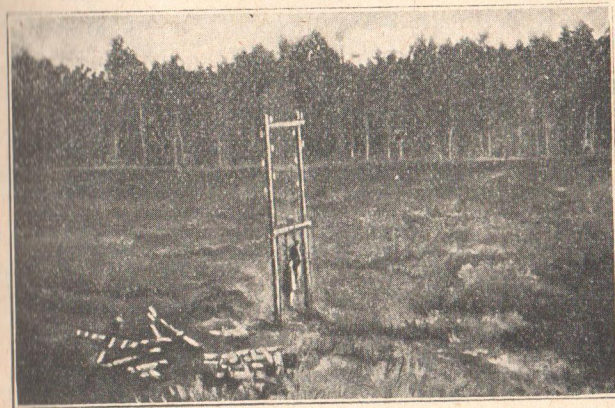
Для борьбы с «крамолой» колчаковцами были созданы контрразведки, которые со зверской жестокостью расправлялись со всеми революционерами, попадавшими в их лапы. Один из деятелей сибирской белогвардейщины—барон Будберг, которого никак нельзя заподозрить в революционности, так описывает в своих воспоминаниях омскую контрразведку:

«Здесь контрразведка—это огромное учреждение, пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охранки... Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение родины, и под этим покровом царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол».

Главная тяжесть ударов колчаковских контрразведок падала на тайные большевистские организации и подпольщиков-большевиков, продолжавших свою самоотверженную борьбу против сибирской контрреволюции. По отношению к большевикам колчаковцы были беспощадны. Самые жестокие пытки применялись при допросах арестованных большевиков. Сотни самоотверженных товарищей погибли лютой смертью в застенках колчаковщины.

Приведем только одно описание расправы колчаковцев с политическими арестантами в Иркутске.

«Наверху, на корме (дело было на пароходе), у выхода из третьего класса, стояли с револьверами двое офицеров, около них двое штатских—наблюдатели из контрраз-

Трупы партизан, повешенных колчаковцами на телеграфных столбах по линии Сибирской жел. дороги. (Из материалов музея РККА.)

ведки—Бабосов и Молчанов и у самого борта казак Лукин, в руках которого была деревянная колотушка для сколки льда.

Арестованных по одному выводили из маленькой каюты в большую. Здесь они давали подписку о выезде в течение трех суток из

пределов Сибири, затем их раздевали, оставляя только в нижнем белье, выводили наверх, на корму, говоря, что ведут одевать их в арестантские халаты.

Наверху, на корме, каждый из выводимых встречался с вышеуказанными офицерами, направлявшими на арестованных револьверы.

Арестованного подводили к краю кормы, и в этот момент казак Лукин ударял колотушкой арестованного по голове, после чего последнего, уже убитого или потерявшего сознание, сбрасывали за борт.

Убив таким образом всех арестованных, принимавшие в этом участие палачи сошли вниз и здесь часть вещей, принадлежавших убитым, поделили между собой, причем в дележе принимали участие и офицеры.

Такова картина колчаковского тыла в 1919 году. Что же происходило в это время на фронте? В чем заключалась причина панического отступления колчаковских армий, прекрасно снабженных, превосходивших вначале своей численностью силы Красной армии Восточного фронта?

Колчака постигла участь всех русских контрреволюционеров, боровшихся против советской власти. У контрреволюции не было самого главного — массы, солдат, которые добровольно пошли бы на защиту интересов буржуазии, помещиков и ге-

Перчатка из человеческой кожи, содранная колчаковскими (дуртовскими) офицерами с руки живого пленного красноармейца на станции «Сахарная» Уральской области в 1919 году. (Хранится в музее РККА.)

нералов. Поэтому белогвардейские армии составлялись в большинстве из мобилизованных крестьян, скованных палочной дисциплиной, отданием чести и прочими средствами подчинения, применявшимися в старой, царской армии. На некоторое время эта палочная дисциплина зажимала в тиски темные, неорганизованные массы белогвардейских солдат. Но стоило белым армиям потерпеть серьезные поражения, начать отступать под ударами красных войск, как исчезал страх перед офицерской нагайкой, и белые солдаты начинали переходить в Красную армию. Они чувствовали в ней братскую трудовую силу, вставшую на защиту трудящегося люда от его вековых угнетателей. Поражения белых армий почти всегда вели за собой их все ускоряющийся развал.

Так случилось и с Колчаком. При первых поражениях его войск в апреле—мае 1919 года начались перебежки колчаковских солдат в Красную армию. По мере дальнейших успехов Красной армии отступающие войска Колчака таяли с каждым днем. Белогвардейцы производили спешные мобилизации, бросали на фронт новые тысячи «крестьянских парней, одетых в ноксовское обмундирование», и эти новые войска через некоторое время втыкали штыки в землю и переходили на сторону красных. Были, конечно, и у Колчака отборные вышколенные части, состоявшие из казаков, из добровольцев-офицеров, буржуазии

и кулачества. Были даже специальные «полки Инсуса», в которых принимало участие духовенство. Победы над ними стоили Красной армии не дешево. Но главная масса колчаковских войск все-таки состояла из мобилизованных трудящихся, симпатии которых были на стороне Советской Рос-

Раздача литературы уральским казакам, перешедшим в Красную армию. (Из материалов музея РККА.)

сии. Страничка из воспоминаний одного участника борьбы на Восточном фронте показывает нам чрезвычайно ярко, как относилось к Красной армии трудовое население Сибири:

«Под Челябинском, где у нас шли кровопролитные бои с колчаковцами, революцион-

ный совет 5 армии принял решение произвести мобилизацию в Челябинской губернии. Не было никакой организованной власти в селах, никакого государственного принудительного аппарата, мобилизация могла удалась лишь как добровольная явка крестьян. И она была объявлена. Результат мобилизации превзошел все наши ожидания: в течение двух недель явилось 24 000 человек. Даже в тех волостях, которые покидала отступающая Красная армия, крестьяне шли в армию. Мобилизация прошла самоотечком. Особенно удачно прошла мобилизация в Кустанае. Там было незадолго до нашего прихода крестьянское восстание. Белые жестоко расправились с восставшими. Всех вооруженных убивали, а руководителей восстания повесили на площади».

К концу июля 1919 года, по выражению одного из белогвардейцев, «положение на фронте стало грозным». Остатки колчаковских армий под натиском красных частей откатывались все дальше и дальше в глубь Сибири. Красная опасность придвигалась к Омску.

ВИИ. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ.

Одновременно с наступлением Красной армии и развалом колчаковского фронта росло повстанческое, партизанское движение против Колчака вну-

три Сибири. Восстания сибирских крестьян и их вооруженная борьба с белогвардейщиной—одна из самых ярких страниц нашей гражданской войны. Сибирские партизаны оказали громадные услуги Красной армии, оттягивая на себя значительные силы колчаковских войск и внося смятение в тылы

Митинг колчаковских перебежчиков мусульман.
(Из материалов музея РККА.)

сибирской контрреволюции. Эта героическая борьба трудящихся Сибири заслуживает того, чтобы мы остановились на ней более подробно.

Прежде всего—почему возникло партизанское движение в Сибири? Потому, что сибирское крестьянство на своей спине испытало всю тяжесть

владычества белогвардейцев. Налоги, мобилизации, виселицы, порки шомполами сделали то, что искры революционных восстаний, загоревшиеся в белой Сибири еще с осени 1918 года, превратились в 1919 году в море огня, охватившего большую часть территорий, подвластных «верховному правителю».

Основную массу восставших составляли крестьяне. Рабочий класс Сибири, немногочисленный, разбросанный по Сибирской железной дороге, также в меру своих сил принимал участие в партизанском движении. Рабочие часто являлись революционным ядром, вокруг которого организовывались партизанские крестьянские отряды.

Во многих местах восстаниями руководили местные организации коммунистической партии. Колчаковская контрразведка вела зверскую, беспощадную борьбу с подпольными большевистскими центрами, сохранившимися во многих значительных городах Сибири. Несмотря на сотни арестов и расстрелов, на пытки, применявшиеся колчаковцами при допросах, несмотря на разгром контрразведкой подпольных организаций партии в Томске, Иркутске и других городах, коммунисты продолжали свою самоотверженную работу.

Наиболее активной, революционно настроенной частью сибирского крестьянства, участвовавшего в партизанском движении, было переселенческое население, пришедшее в Сибирь из Европейской России за последние 15—20 лет перед революцией.

Переселенцы были беднее коренного сибирского крестьянства и уже поэтому более сочувственно относились к советской власти. Кроме того, при царском строе полицейско-помещичий гнет был сильнее в центральной России. Поэтому переселенцы оттуда принесли в Сибирь и сохранили ненависть к уряднику, чиновнику, офицеру, власть которых восстановил в Сибири колчаковский режим. Первые и наиболее крупные очаги восстаний заглялись в тех волостях и уездах Сибири, где преобладало переселенческое население. Коренное сибирское крестьянство присоединялось к партизанскому движению медленнее, но и оно в конце концов подняло оружие против Колчака.

В Сибири было три наиболее крупных очага партизанского движения. Первый—на запад от Иркутска, в Енисейской губернии, в Канском, Красноярском и других уездах. Второй—в Семипалатинской области и на Алтае и третий—на Дальнем Востоке, на Амуре. Из этих трех очагов наибольшую опасность для колчаковской власти представлял енисейский, так как там партизанская борьба велась в районах, близких к Сибирской железной дороге, угрожая ее перерывом. Алтайские партизаны, хотя и достигшие большой численности и успехов, были не так опасны для Колчака по причине своей большой отдаленности от жизненных центров сибирской контрреволюции. Наконец движение амурских партизан развертывалось в рай-

онах, подвластных Колчаку только по имени, а в действительности занятых Семеновым и многочисленными японскими войсками, которые зато и вели жестокую борьбу с партизанами Дальнего Востока.

Партизанское движение в Енисейско губернии началось еще до колчаковского переворота осенью 1918 года. В октябре—ноябре 1918 года правительство эсеровской Директории уже послало карательные отряды в волости Минусинского уезда Енисейской губернии для борьбы с недовольством и вооруженными выступлениями крестьян. Незадолго до падения Директории ее енисейский губернский комиссар доносил о том, что силы минусинских повстанцев определяются в 6 000 человек. (Цифра эта для того времени, конечно, преувеличена—у страха глаза велики.)

Против минусинских партизан, одно время подходивших на 2—3 километра к самому Минусинску, были стянуты белогвардейские войска, разбившие партизан в конце ноября 1918 года, уже после колчаковского переворота. Белогвардейцы захватили в плен 800 участников восстания, из которых около 100 было впоследствии расстреляно.

После установления в Сибири «твердой» контрреволюционной власти адмирала Колчака восстания партизан развертываются все шире и шире. Уже в декабре 1918 года снова шли бои с парти-

занами, на этот раз в Канском уезде, причем колчаковские войска потерпели ряд поражений. Одновременно вспыхнули первые восстания колчаковских солдат в г. Канске и др.

Вот выдержки из воззваний сибирских партизанских отрядов начала 1919 года:

«Мы, крестьяне, пережившие весь ужас произвола, наступившего в настоящее время, взяли за оружие для свержения господства капитала и его прислужника изверга Колчака, объявившего себя единоличным правителем Сибири. Мы обращаемся ко всем нашим братьям с просьбой организовываться и идти к нам на помощь всеми средствами. Поднимайтесь все, как один, берите в руки оружие и становитесь в ряды нашей сознательной крестьянской армии...»

То же воззвание так описывает работу колчаковских правителей в Сибири:

«Посмотрите, товарищи, что они делают... Им нужны солдаты для борьбы с нами—они берут наших сыновей и братьев; им нужны деньги—они накладывают непосильные налоги; им нужна одежда, чтобы обмундировать продажную шкуру иностранца, пришедшего служить капиталу,—они раздевают солдата крестьянина-фронтовика; наконец в деревнях, где они появляются, производят бесчинства,

грабят и убивают, порют стариков и детей, изнашивают женщин и все это делают для устройства порядка, как они говорят...»

Начало 1919 года прошло во все обострявшейся борьбе партизан с карательными отрядами, которые колчаковское правительство посылало в непокорные уезды. Одновременно с ростом партизанских сил росло и ожесточение усмирителей. А жестокие расправы, расстрелы, виселицы, порки вызывали все новые и новые вспышки крестьянских восстаний. В марте 1919 года отряды сибирских партизан уже подходили местами к Сибирской железной дороге и вызвали беспокойство «самого» Колчака. Вот телеграмма командующего войсками Иркутского военного округа на имя генерала Розанова, усмирявшего енисейских партизан:

«Верховный правитель повелел возможно скорее и решительнее покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами и отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении пример японцев в Амурской области, объявивших уничтожение селений, скрывающих большевиков, вызван, повидимому, необходимостью добиться успехов в трудной партизанской борьбе в лесистой местности. Во всяком случае, в отношении селений Ки-

йское и Койское должна быть применена строгая кара. Приказываю: 1) в населенных пунктах организовать самоохрану из надежных жителей, 2) требовать, чтобы в населенных пунктах местные власти сами арестовывали или уничтожали всех агитаторов и смутьянов, 3) за укрывательство большевиков, пропагандистов, шаек должна быть беспощадная расправа, которой не производить только в тех случаях, если о появлении этих лиц в населенных пунктах было своевременно сообщено ближайшей воинской части...»

Далее в приказе рекомендуется:

«Для разведки и связи пользоваться местными жителями, беря заложников. В случае неверных и несвоевременных сведений или измены заложников казнить, а дома, принадлежащие им, сжигать... Всех способных к бою мужчин собирать в какое-нибудь большое здание и содержать под надежной охраной, в случае измен и предательства—беспощадно расстреливать».

Вот еще телеграмма начальника штаба Колчака, посланная в апреле 1919 года:

«При восстаниях местного населения против существующей власти или оказания им активного содействия большевистским бандам

благоволите давать войскам, подавляющим восстание, категорические указания, чтобы помимо поголовного уничтожения восставших, действующих с оружием в руках против правительственных войск, подвергалось также уничтожению или конфискации в пользу армии все имущество лиц, указанных выше».

Несмотря на подобные меры, а пожалуй, что и благодаря им, движение енисейских партизан разрасталось. Центрами восстания были Тасеевская волость Канского уезда и Степно-Баджейская Красноярского. Тасеевские партизаны организовали правильную оборону своего района от колчаковских войск и в течение весны 1919 года разбили несколько крупных карательных отрядов Колчака. Еще в феврале командир одного из карательных отрядов, разбитых тасеевцами, доносил по начальству:

«Окопы у них до 4 линий, перед окопами вкопаны в снег бороны, так что подступ к ним невозможен. Полк просил связаться с высшими начальствующими лицами и получить химические снаряды, зажигательные гранаты и шрапнели по 1 000 штук и более».

В апреле 1919 года даже состоялся «Первый крестьянский съезд повстанцев Канского, Красноярского и Ачинского уездов».

Вот резолюция этого съезда «по текущему моменту»:

«Выслушав доклады по текущему моменту и убедившись воочию в пользе, приносимой советской властью, и то, что власть советов есть наша непосредственная власть и что, только тесно сплотившись и объединившись в одну братскую семью, мы можем победить нашего врага—иго капитала и диктатуру Колчака, крестьянский съезд постановил: 1) выразить наше искреннее спасибо и послать приветствие нашей доблестной стойкой армии (имеется в виду армия партизан), 2) продолжать до конца нами начатое дело освобождения, не останавливаясь ни перед какими жертвами, и 3) не вступать ни в какие соглашения с буржуазией и наемниками. Долой насилие, произвол. Да здравствует храбрая крестьянская армия. Да здравствует власть советов».

Съезд заседал 6 дней и обсудил целый ряд вопросов, начиная от вооруженной борьбы с колчаковцами и кончая установлением твердых цен на сельскохозяйственные продукты и ремесленные работы в местностях, очищенных партизанами от белогвардейских войск. Все это происходило в глубоком тылу «верховного правителя», за тысячи верст от фронта Красной армии.

Партизанское движение развертывалось по обеим сторонам Сибирской железной дороги и угрожало ее перерывом, несмотря на то, что охрану ее несли чехо-словацкие войска. В мае 1919 года партизанские отряды несколько раз перерезали железную дорогу на участке между Канском и Верхнеудинском. Сибирская железная дорога была главной жизненной артерией колчаковщины и единственным путем, связывавшим белую Сибирь со странами Антанты. По Сибирской дороге из Владивостока двигались эшелоны с иностранным военным снаряжением. Поэтому вопрос о безопасности железной дороги был для Колчака вопросом жизни и смерти. А положение на железной дороге не без основания тревожило белогвардейцев. Вот как рисует успехи партизан телеграмма одного из колчаковских железнодорожных офицеров в мае 1919 года:

«Доношу: положение полотна катастрофическое. Путь без охраны. Ежедневно крушения, разбор пути саженьями, порча мостов и телеграфа. То, что восстанавливается ротой и дорогой упорным дневным трудом, ночью разрушается красными. Рабочие постоянно обстреливаются. Порча полотна на сотни саженьей происходит у ближних деревень. Свыше десятка паровозов свалено под откос. При настоящих условиях с 13 мая движение со-

вершенно приостановилось. Выход из положения—немедленное наступление значительными силами».

Успехи партизан заставили колчаковское правительство отказаться от мысли об уничтожении повстанческих силами своих карательных отрядов. К подавлению крестьянских восстаний были привлечены «доблестные союзники». В конце мая к оперировавшим против партизан колчаковским войскам присоединились сильные отряды чехо-словаков, итальянцев, а затем румын и поляков. Началось жестокое и планомерное наступление на партизан. «Союзники» дошли до применения против повстанческих крестьян снарядов с удушливыми газами (это засвидетельствовано документально в делах колчаковских штабов). От «кустарных» способов борьбы с партизанами перешли к массовым казням и выжиганию целых селений. В одном Канском уезде усмирители сожгли несколько десятков деревень. «Верховный правитель» специальным приказом (в июне 1919 года) «повелел в донесениях о вытеснении большевистских банд из какого-либо района или при ликвидации беспорядков в них обязательно доносить, сколько большевиков уничтожено».

Белогвардейские оперативные сводки и донесения о борьбе с партизанами летом 1919 года перестают сообщать в роде следующих:

«В отношении ликвидации восстания в районе Тайшет проводятся самые жестокие меры до расстрелов и повешения без суда включительно».

«Красные были разбиты, оставив на месте сражения более 100 убитых и 25 пленных, которые после допроса повешены».

«Ночью на 7 сего июня ротой 1-го румынского батальона с двумя пулеметами сделана атака на д. Укар, что к северу от Нижнеудинска, вокруг которой большевиками были сделаны окопы. Из около 200 вооруженных большевиков, находившихся в деревне, потоплено в реке Уда около 150, остальные убиты, только 7 человек спаслось бегством в лесу».

В результате совместного напора крупных сил белогвардейцев и интервентов партизанские отряды Енисейской губернии были один за другим разбиты в неравном бою. Часть их была уничтожена, часть ушла в глухие места сибирской тайги.

Победители свирепствовали в оставленных партизанами деревнях. Один из руководителей енисейских партизан (г. Яковенко) так описывает расправу колчаковцев в с. Тасеево.

«По занятии Тасеева противник собрал все окружающее население и в особенности население с. Тасеева и над собранными учинил

самую жестокую расправу. Некоторые были в буквальном смысле слова истерзаны, другие живыми закапывались в могилу, многих расстреливали по порядку: сначала каждого десятого, а потом каждого пятого. Так, в первое же утро после занятия Тасеево было убито, изрублено и расстреляно 106 человек мужчин и почти такое же количество женщин и детей. После такой расправы оставшееся в живых население естественно было всецело на нашей стороне».

Через месяц жестокой борьбы командовавший контрреволюционными войсками против партизан генерал Розанов с торжеством доносил:

«Порча железной дороги и нападения на поезд с целью прекратить снабжение нашей армии, борющейся с большевиками, прекращены на всем участке от Ачинска до Верхнеудинска включительно. Нет больше ежедневных многочисленных жертв на железной дороге среди русских, чехо-словацких, английских и итальянских войск».

В заключение расправ последовал «указ верховного правителя», 3 июля 1919 года:

«Государственные земли, входящие в состав наделов селений Тасеевка Канского уезда и Степно-Баджейское Красноярского уезда

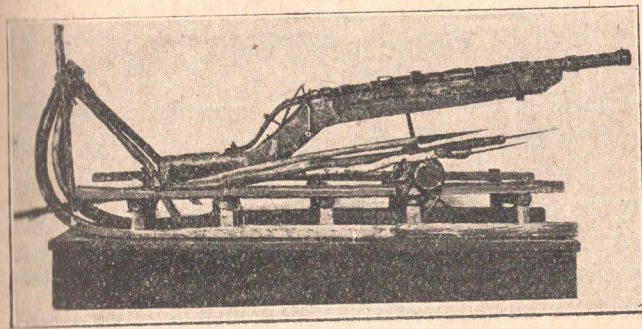
Енисейской губернии, изъять из пользования крестьян названных селений и обратить в земельный фонд, назначенный для устройства воинов».

Таким образом первая волна партизанского движения вокруг Сибирской железной дороги была подавлена силой белогвардейских и иностранных штыков. Но это вызвало только усиление ненависти к усмирителям. К загнанным в леса партизанским отрядам стекались все новые приверженцы. Села, до сих пор не принимавшие участия в движении, готовились примкнуть к партизанам. И через небольшой срок заглушенное пламя снова выбилось наружу. Подъем второй волны партизанского движения осенью 1919 года совпал с окончательным разгромом и бегством колчаковских армий с фронта. Колчаковскому правительству было уже не под силу заниматься крупными карательными экспедициями. Все усилия белогвардейцев и интервентов осенью 1919 года сводились к охране Сибирской железной дороги, по которой к востоку расстроены войска русской и иностранной контрреволюции вместе со всевозможными «командующими», представителями, миссиями, а затем—после падения Омска—и «министерствами».

Втечение 1919 года на двух других партизанских фронтах—Алтайском и Дальневосточном—

также шел постепенный рост и организация сил партизанских отрядов.

На Алтае к концу 1919 года создавалась партизанская армия в несколько десятков тысяч человек. Алтайские партизаны захватили в свои руки всю область и затем, после подхода Красной армии, частью влились в нее, частью вернулись к мирному труду. Следует заметить, что органи-

Самодельная пушка и пики сибирских партизан Алтая.
(Хранятся в музее РККА.)

зация алтайских партизан носила самобытный, иногда полуполюгендарный характер. Так, они, ввиду недостатка огнестрельного оружия и полного отсутствия артиллерии, ввели у себя в употребление самодельные пушки и бомбометы, организовали отряды «пикарей», вооруженных вместо винтовок железными пиками на длинных деревянных древках.

Дальневосточные—амурские—партизаны имели дело главным образом с японскими войсками, которых на Дальнем Востоке было в 1919 году несколько десятков тысяч. Борьба дальневосточных партизан с интервентами и остатками белогвардейцев продолжалась вплоть до осени 1922 года, когда последние отряды контрреволюции были сброшены с советской земли.

VIII. КОНЕЦ КОЛЧАКА.

Колчак и его иностранные хозяева готовились к последней попытке во что бы то ни стало остановить наступление Красной армии и спасти столицу сибирской контрреволюции—Омск. В глубине Сибири, при участии иностранных военных инструкторов, спешно формировались новые части. В августе на фронт были брошены все без остатка военные резервы колчаковщины. Начались жестокие бои. Колчаковцы временно задержали Красную армию, даже сами перешли в наступление и немного продвинулись вперед. Но участь их все равно уже была решена. Около месяца в районе реки Тобол продолжались бои, в которых постепенно растаяли свежие части белогвардейцев. В октябре Красная армия уже снова непрерывно наступала. Белогвардейцы спешно начали эвакуировать Омск. Колчаковские министерства, всевозможные центральные учреждения и

штабы потянулись к Иркутску, забивая эшелонами Сибирскую железную дорогу, движение по которой и без того становилось все хуже. Красная армия неудержимо двигалась к Омску, захватывая по дороге запасы снаряжения и целые белогвардейские части, сдававшиеся в плен. Наконец 14 ноября 1919 года был занят Омск, в котором сдалось до 70 отдельных полуразвалившихся частей колчаковской армии. За несколько дней до падения Омска «верховный правитель» выехал в специальном поезде на восток, предварительно разослав державам Антанты телеграммы о временном перенесении своей столицы в Иркутск. На Сибирской железной дороге в это время творилось нечто невообразимое. Она была забита сплошной лентой поездов с «беженцами», в число которых входили крупные отряды иностранных войск, главным образом чехо-словацких и польских.

Один из активных участников революционной борьбы в Сибири (т. Ширямов) так описывает положение колчаковщины после падения Омска:

«Фронта уже не существовало. Окончательно разгромленные белые бесформенной массой откатывались к Красноярску, тысячами сдаваясь в плен и поднимая восстания. Командующим вместо Сахарова был назначен генерал Каппель. Впоследствии остатки трех колчаковских армий, которые он сумел объ-

единить вокруг себя, именовались уже просто группой Каппеля. Железная дорога была захвачена чехами, уходившими на восток с награбленным имуществом; они везли с собою все, что могло уместиться в вагонах: мебель, экипажи, станки, зеркала, моторные лодки, пианино, огромные запасы провианта, обмундирования, мануфактуру, военное снаряжение и пр., и пр. В ленте их бесконечных эшелонов где-то двигался Колчак со своим поездом и двумя эшелонами золотого запаса России. Платя целые состояния за места в поездах, бежала на восток буржуазия».

Первое время после падения Омска Колчак из своего поезда поддерживал некоторую видимость власти верховного правителя. Он рассылал приказы генералам, сносился по телеграфу со своими министрами, уже находившимися в Иркутске, и с «высокими комиссарами» интервентов, также заблаговременно улупетнувшими в Иркутск. Но песенка верховного правителя была спета. Утерявший всякую реальную силу, бегущий от Красной армии вместе с остатками развалившихся войск, Колчак был не нужен своим иностранным хозяевам. Они стремились отделаться от него возможно проще и скорее. Чтобы Колчак своими распоряжениями не мешал «эвакуации», было решено взять его под «охрану» иностранных войск. Когда поезд адми-

рала дополз до Нижнеудинска, к нему по поручению представителей Антанты явились чехо-словаки и предложили Колчаку распустить свой конвой и довериться «покровительству союзников». Под охраной, вернее—под конвоем, чехо-словацких войск Колчак путешествовал дальше до Иркутска.

А в Иркутске—этом новом центре белогвардейской Сибири—назревали важные события. Находившиеся там остатки колчаковского правительства не имели почти никакого влияния и существовали только соизволением представителей Антанты во главе с генералом Жанненом. Видя полное крушение колчаковщины, интервенты снова обратили свои взоры на эсеров и начали покровительствовать их планам захвата власти. Иностранные империалисты надеялись с помощью эсеров если не возобновить борьбу против Советской России, то, по крайней мере, спокойно вывести свои войска из Сибири.

Эсеры и меньшевики, объединившись с буржуазными «общественными деятелями» Сибири, образовали в Иркутске так называемый Политический центр, который стал готовить вооруженное выступление против Колчака. Политическому центру сочувствовала масса мелкого белого офицерства, стремившаяся как-нибудь спасти свои жизни и освободиться от командования обанкротившихся генералов.

Большевистские организации Иркутска и работавший там подпольный Сибирский комитет коммунистической партии также готовили выступление против остатков колчаковской власти. Большевики поддерживали крестьянские партизанские отряды, в руках которых находилась почти вся Иркутская губерния. В конце декабря состоялось выступление Политического центра, на стороне которого была интеллигенция и большинство младшего офицерства находившихся в Иркутске воинских частей. Начались бои с белогвардейскими отрядами, оставшимися в руках иркутских генералов.

Чехо-словацкие войска и представители интервентов сначала «держали нейтралитет», затем в начавшихся переговорах стали на сторону Политического центра и обеспечили переход власти в руки своих «старых друзей» — эсеров. Большевики поддерживали Политический центр во время его вооруженной борьбы с колчаковщиной, а затем спокойно стали заниматься организацией своих сил, ожидая неизбежного прихода в Иркутск Красной армии, которая постепенно двигалась вперед по огромным пространствам Сибири.

Эсеры, конечно, с удовольствием разогнали бы организации большевиков, как они делали это в 1918 году в Поволжье и Сибири, но в распоряжении большевиков в Иркутске находились значительные силы, состоявшие из вооруженных рабо-

чих и революционных партизанских отрядов, окружавших город. Поэтому в январе 1920 года в Иркутске существовало нечто вроде двоевластия: Политический центр и Сибирский комитет коммунистической партии проводили свою работу бок-о-бок, находясь в состоянии «вооруженного нейтралитета».

Тем временем чехо-словаки привезли в Иркутск Колчака и поезд, заключающий в себе свыше 10 тысяч пудов русского золотого запаса. Единственным желанием «доблестных» чехо-словацких и иных иностранных войск было теперь уйти из-под ударов наступающей Красной армии и вообще возможно скорее выбраться из «неблагодарной» Сибири. Поэтому чехо-словаки, с одобрения представителей Антанты, решили выдать Политическому центру Колчака и золотой запас в обмен на беспрепятственный пропуск через туннели Байкальской железной дороги в Восточную Сибирь для дальнейшего следования за границу. Эсеры учли, что с такими козырями в руках, как Колчак и золотой запас, им легче будет договориться с наступающей Красной армией. Соглашение состоялось. Иностранные войска получили свободный проезд по железной дороге, Колчак, выданный чехо-словаками, был перевезен в иркутскую тюрьму, поезд с золотом остался стоять на иркутском вокзале. Постепенно войска интервентов начали уходить из Иркутска на восток.

Вскоре силы иркутских организаций большевиков возросли настолько, что они могли уже подумать о том, чтобы взять власть в свои руки, не дожидаясь подхода красных войск центральной России. В то же время надвинулись события, решившие судьбу Политического центра, а вскоре затем и окончательную участь бывшего «верховного правителя России». Дело в том, что от Иркутска до фронта Красной армии в то время было еще много сотен верст. Между фронтом и Иркутском находились остатки колчаковских армий, под командой генерала Каппеля пробивавшиеся на восток.

«Каппель вел за собой наиболее стойкие и упорные в борьбе с советской властью части, выдержавшие всю двухлетнюю кампанию. Они знали себе цену, знали, что их ожидает в случае встречи с красными, и их путь, этот «ледяной поход», сопровождался неопируемыми жестокостями, расстрелами, грабежами и издевательствами над мирным населением. Занимая деревни, они забирали все, что можно было забрать: одежду, лошадей, провиант, деньги, вещи, за малейший протест зверски расправлялись с крестьянами.

Они заразили тифом поголовно все население местностей, через которые проходили. Сотни трупов замученных ими людей оставались после их прохода.

Что предпримет против этой банды Политический центр?» (Из воспоминаний т. Ширямова.)

А Политический центр был еще более беспомощной организацией, чем его предшественники — различные эсеровские правительства в 1918 году. Политический центр надеялся «сговориться» с каппелевцами и мирно пропустить их через Иркутск, что значило выдать в руки белогвардейщины и Колчака, и золотой запас, и самый город на поток и разграбление. Сибирский комитет партии большевиков решил, что пора действовать для спасения города. Политическому центру было предъявлено требование о сдаче власти. После торжественных словесных протестов эсеры подчинились. 21 января 1920 года власть в Иркутске перешла к выделенному комитетом партии военно-революционному комитету. «Переворот» был совершен с пролитием... лишь небольшого количества чернил.

Молодая революционная власть Иркутска стала деятельно готовиться к борьбе с наступающими бандами Каппеля, которых насчитывалось около 12 000 человек. Первое столкновение красных отрядов с каппелевцами произошло на станции Зима, недалеко от Иркутска. При помощи чехо-словаков, совершивших очередное предательство, каппелевцы нанесли поражение красным войскам. Положение Иркутска сделалось угрожающим. Бело-

гвардейцы прислали требование немедленно очистить город, выдав Колчака и золото. Тогда военно-революционный комитет Иркутска, опасаясь возможной победы белогвардейцев, принял решение о необходимости расстрелять Колчака.

На рассвете 7 февраля 1920 года на льду реки Ангары был приведен в исполнение приговор над бывшим «верховным правителем России». Так закончилась наиболее крупная и опасная для нас попытка сибирской контрреволюции уничтожить советскую власть в России.

В дальнейшем красным иркутским отрядам удалось отстоять город. Каппелевцы обошли его и двинулись дальше—на восток. Вскоре Красная армия вступила в советский Иркутск.

После конца колчаковщины на Дальнем Востоке еще почти два года продолжалась борьба с остатками белогвардейцев и поддерживавшими их японскими оккупационными войсками—единственными из интервентов, которые остались в Сибири. Но исход этой борьбы был уже заранее предрешен. К осени 1922 года последние осколки русской белогвардейщины и последние войска иностранных захватчиков были выброшены с советской земли.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

П. С. ПАРФЕНОВ (ПЕТР АЛТАЙСКИЙ)
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ
1918—1920 гг.

Изд. 2-е, исправл. и дополн.

Стр. 168.

(Истпарт)

Ц. 1 р.

Оглавление. (Приводится частично.) Возникновение советской власти в Сибири и отношение к ней политических партий и населения. Ошибки и слабость советской власти в Сибири. Организация сил легальной и тайной контрреволюции. Подпольная деятельность сибирского правительства и центров сибирской кооперации. Начало гражданской войны в Сибири. Свержение советской власти. Начало белого террора. Успехи чехословацких войск. Приказы и контроль союзных капиталистических правительств. Провозглашение военной диктатуры. Всеобщее восстание рабоче-крестьянской Сибири. Падение омского правительства. Борьба за Дальний Восток. Агрессивность Японии. Меркуло-японский переворот 26 мая 1921 г. Окончание гражданской войны на Д. Востоке.

„Ценность книги т. Парфенова заключается в марксистском освещении событий гражданской войны в Сибири, основанном на богатом документальном материале. Во втором издании книги автором сделаны поправки и дополнения, отчего основное достоинство ее возросло еще более“. (От Истпарта.)

П. С. ПАРФЕНОВ (ПЕТР АЛТАЙСКИЙ)
БОРЬБА ЗА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
1920—1922 гг.

Стр. 268

„Прибой“

Ц. 4 р.

ПИШОН
СОЮЗНИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В СИБИРИ

Доклад Пишона

Перев. с франц. П. Ивангородского. Редакция и предисл. Вл. Виленского-Сибирякова

Ц. 40 к.

Д. УОРД
СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ
1918—1919 гг.

(Записки начальника английского экспедиционного отряда)

Стр. 171.

С предисловием И. Майского

Ц. 1 р. 20 к.